

ДМИТРИЙ ИГУМНОВ

ПАЛАТКА

РАССКАЗ

В моей далекой юности на нашей небольшой улочке находилось несколько торговых точек. Главная — продуктовый магазин, ютившийся в замызганном здании, напоминавшем тесный барак, и три палатки. Одна палатка — керосиновая лавка, другая — маленькая булочная, а третья — с широким по тем временам ассортиментом продовольственных товаров, включая винно-водочные изделия. Эта палатка была особенной, хотя ничего особенного она из себя не представляла: небольшое деревянное строение, слегка покосившееся и давно, а может, и никогда не крашенное. От тротуара поднимались три ступеньки, пройдя которые покупатель оказывался перед стеклянной витриной, на которой и лежал “широкий” ассортимент: различные крупы, простенькие конфеты, сахар, соль. В витрине имелось небольшое окошко, через которое происходило общение продавца с покупателем. Популярность у жителей улицы этой торговой точки была не сравнима с другими.

Работали в палатке поочередно две продавщицы: молодая Люба и пожилая Людмила Ивановна. Люба обладала зычным голосом, громогласная, так что ее присутствие на рабочем месте сразу становилось известно всей улице.

Возле палатки почти всегда стояла небольшая очередь: три-четыре человека. В очереди рядили-судили о насущных событиях в стране, в мире и, конечно, на нашей улице... Здесь, в этой палатке, велась бойкая торговля водкой и пивом, причем в разлив. Бывшие фронтовики по пути с работы домой частенько задерживались у палатки. И Люба, и Людмила Ивановна давно знали о предпочтениях постоянных клиентов. После обмена приветствиями

ИГУМНОВ Дмитрий Васильевич родился в Москве в 1937 году. Служил на Балтийском флоте. Окончил Всесоюзный заочный энергетический институт. В настоящее время преподаватель Московского института радиотехники, электроники и автоматики. Автор книги прозы “Рыжий”. Живёт в Москве.

действие проходило в беззвучном автоматическом режиме, нарушаемом лишь бульканьем разливаемой жидкости. Дозы у клиентов были разные, но существовал неписанный максимальный предел, который звучал так:

— Сто пятьдесят с прицепом.

Это означало: сто пятьдесят грамм водки и кружка пива.

Особенность доверительных отношений покупателей и продавцов состояла в том, что при каждодневном посещении палатки плата за выпитое не взималась. У продавщиц имелась специальная амбарная книга, в которую они скрупулезно записывали отпущенное в долг. Для каждого постоянного клиента была выделена персональная страница. Когда на работе наступал день получки, тогда и происходил полный расчет. Это было удобно и для продавщиц, и особенно — для мужского населения нашей улицы.

В витрине за стеклом справа от окошка стояла небольшая бадейка с солеными помидорами. Они выдавались посетителям в качестве бесплатной закуски.

Выполнив привычный ритуал у любимой палатки, мужики спокойно продолжали путь домой. Я не помню ни единого случая, чтобы в рабочий день на нашей улице повстречался пьяный! Даже в праздники традиционное застолье не переставало в пьянку!

Постепенно, с годами, на торговлю спиртными напитками стали накладываться ограничения, и пьянство выросло пропорционально этим ограничениям. Судить, где здесь причина, где — следствие, — не берусь...

Как и большинство мальчишек, мои друзья и сверстники мечтали поскорее войти во взрослую жизнь. Совсем недавно закончилась Отечественная война, и образы ее героических участников являлись для нас примером для подражания. Многие ребята нашей улицы мечтали после окончания школы поступить в военные училища. Это в будущем, но и в годы ранней юности очень хотелось хоть немного походить на взрослых мужчин, прошедших горнило войны.

Однажды кто-то из ребят предложил отметить приближающийся Первомайский праздник по-взрослому: выпить по стакану водки возле палатки, прямо на улице. Обсуждали это предложение не один день. Кто-то из ребят отказался участвовать в этом мероприятии, другие сначала решились, но потом струсили и стали оправдываться всякой несурзаницей. После многодневного естественного отбора нас, смельчаков-придурков, осталось только трое: Вовка Осипов, Витуля Иванов и я.

Вовка был отчаянным парнем. В школе он учился плохо, но превосходно гонял голубей и с успехом разводил кроликов. Витуля очень походил на интеллигентного мальчика, но с заметной гнильцой... Нет, чтобы сразу отказаться от первомайской затеи, как это сделали другие ребята, — он же морочил нам с Вовкой головы до решающего часа и только тогда объявил, что не пойдет с нами, когда мы уже направились к знаменитой торговой точке.

У палатки стояла небольшая очередь — из женщин разных возрастов. Шел, как и обычно, разговор “за жизнь”. Мы заняли очередь, и стояли молча, естественно, волнуясь. Очередь шла очень медленно: женщины меж собой успевали поболтать, да еще и с продавщицей.

В тот день в палатке торговала Люба, покрывая своими громкими комментариями голоса покупательниц.

Итак, очередь двигалась медленно, но все же двигалась, и вот наступил наш черед. Мы с Вовкой вместе, плечо к плечу, поднялись на ступеньки, я просунул в окошко палатки зажатые в кулаке деньги. Дыхание у меня перехватило, но тут выручил Вовка:

— Два по сто пятьдесят и по помидорке, — механическим голосом произнес он.

Люба при этом не выказала замешательства и стала привычно отмерять заказанные граммы. Однако стоящие за нами в очереди женщины возмущенно загадели и воззвали к совести работника советской торговли:

— Ты совсем сдурела, Любка! Что делаешь? Посмотри как следует, кого спаиваешь. Ведь дети еще. Они же маленькие, а ты? Посмотри, посмотри как следует!

Люба громким криком одернула недовольных, но разлив водки по стаканам на время прекратила. Она даже попыталась просунуть голову в окошко, чтобы прицениться к нашему возрасту. Оценив его, она еще раз прикрикнула на очередь, чтоб не шумели, и выдала не забываемый мною приговор: — Еще маленькие! Хватит — по сто!

Попутно отмечу, сдачи Люба нам не вернула: ведь рассчитывали мы на сто пятьдесят, а получили всего по сто...

Последствия первомайского посещения палатки были бурными. Нам с Вовкой здорово попало от родителей. Особенно жестко отнеслась ко мне моя любимая бабушка. Она вообще перестала разговаривать со мной и хранила такое молчание в течение месяца. Я страшно переживал это, она всегда была для меня ближайшим человеком и раньше все мне прощала. Позже бабушка не раз укоряла меня этой злосчастной выпивкой и даже плакала по этому поводу.

Но у дурного поступка были и хорошие последствия. Среди сверстников мы с Вовкой стали пользоваться уважением, правда, не у всех... Вот тогда-то я впервые узнал, что такое зависть. Непонятно, кто мешал нашим завистникам совершить то, что сделали мы? Никто! Так что же завидовать?

В дальнейшей жизни я часто встречался с человеческой завистью, нередко — беспричинной. Видно, так уж устроен мир. Но первый раз испытать на себе это подлое чувство пришлось в далекой юности, после памятных “ста грамм” у палатки.

ПОСОЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

РАССКАЗ

— Милые девушки, разрешите представиться: Игорь Николаевич Соломин тире Каракаш, посол Советского Союза в Гватемале, — приятная физиономия Игоря была серьезна и побуждала к строгому выполнению дипломатического этикета.

Борька Березкин и я — друзья “посла”, стояли чуть поодаль с церемониально склоненными головами, в общем, тоже придуривались. Происходило это на городском пляже, так что одеты, вернее, раздеты, мы были соответственно, — в одних плавках.

Две светленькие хохотушки и их подруга — черноглазая восточная красавица, которую звали Фаридой, были явно расположены к дальнейшему знакомству с нашим “дипломатическим корпусом”. Хихикая и перебивая друг друга, девушки, слегка подтрунивая над нами, стали задавать вопросы:

— И давно вы из Гватемалы?

— Это так далеко. Какая там погода?

— Как же вас отпустили в такое время?

— Успокойтесь, красавицы. Я в отпуске! Вот приехал к друзьям, но душой я там, в Гватемале, — Игорь знал и умел, что сказать девушкам при знакомстве.

— Так скажите нам что-нибудь по-гватемальски!

Лишь легкое недоумение мимолетно появилось на лице “посла”, и он изрек:

— Когито эрго сум*.

* Изречение на латыни, принадлежащее Декарту.

— Ой, как интересно! А что это значит?

— Я мыслю — значит существую! — При этом Игорь скосил глаза к переносице, это вызвало общий смех. — Прочитаю, пожалуй, вам, красавицы, свои стихи о Гватемале. Хотя, нет, вы их не поймете.

— Почему?

— Язык очень сложный. Лучше постараюсь перевести на русский. Так вот, слушайте и внимайте! Сам сочинил — сам перевел. Посвящаю их нашей встрече:

*Гватемала, женщины и пляж.
Все это вместе взятое
Сниться мне будет каждый час
И даже с трех до полпятого.*

— Хи-хи!

— Как здорово!

Всё. Желанное знакомство состоялось.

Были мы тогда совсем молодыми, менее года назад вернулись домой после срочной службы в армии. Работали на заводе, учились в заочном институте, старались наверстать упущенное время на “всех фронтах”. Получалось это по-разному. Любвеобильный Игорь уже успел не только жениться, но и развестись. Взаимоотношения с противоположным полом были для него — самые-самые главные в жизни. И хотя порой поведение Игоря казалось придурковатостью, в основе его лежала гнетущая неудовлетворенность. Где бы мы ни находились, Игорь пытался ухлестывать за молоденькими женщинами, постоянно отпускал комплименты встречным красавицам. А потом грустно смотрел влед и приговаривал:

— А ведь кто-то с ней спит...

Порой трудно было понять, смеется он или говорит серьезно. Так, приходя в гости и встретив благоволившего к нему пожилого человека, Игорь, вроде бы дурачась, выяснял:

— Почему вы не спрашиваете про мои любовные дела?

Это превратилось в своеобразную забаву. Поэтому, когда он заходил ко мне в гости, моя бабушка, сохраняя серьезный вид, обращалась к нему:

— Как ваши любовные дела, Игорь Николаевич?

И получала неизменный ответ:

— Ой, плохи, Мария Петровна, очень плохи!

Весело и, казалось, беззаботно проходило наше свободное от работы и учебы время. Но многое изменилось после рокового знакомства на городском пляже... По привычке болтая всякую ерунду, Игорь, должно быть, понял, что подернутые влагой глаза Фарида могут изменить его судьбу. Похоже, и она заинтересовалась “дипломатом”. И мне, и Борьке тоже понравилась эта восточная красавица, но соревноваться с Игорем в искусстве обольщения мы не могли.

Их роман развивался стремительно и бурно. Нашего приятеля теперь было не узнать. Посторонние девчонки его совсем не интересовали: только Фарида, только она одна! Дружеские мальчишники тоже его не занимали. Да и в компаниях он стал молчуном. Изменился даже внешне. Порой казалось, что внутри в глазах у него постоянно что-то светится, ласково лучится... Игорь и не скрывал, что смыслом его жизни стала Фарида.

Но продолжалось это недолго. Их встречи неожиданно прекратились. Кто-то из родственников Фарида узнал, что она встречается с русским парнем. По их семейным понятиям такое поведение девушки казалось преступным. Вероотступнице в итоге запретили свидания. По законам ислама девушка из мусульманской семьи может выйти замуж только за единоверца. Для мужчины таких ограничений практически нет — он может брать в жены представительницу любой веры и национальности. Но Фарида встречаться с Игорем не имела права.

Нам, молодым людям той поры, понять такое не то чтобы было сложно, а просто невозможно. Воспитанные в интернациональном духе и в школе,

и в семье, и в армии, мы воспринимали религиозные запреты как нечто дикое, — средневековый бред...

— Как жалко, что ты не татарин! — вздыхала Фарида, которая вырвалась из семейного заточения на прощальную встречу с Игорем.

Игорь был растерян, подавлен, его изворотливый ум не мог найти выхода из возникшего положения.

Фарида ушла, ушла навсегда. Первое время Игорь не находил себе места. Страдал он истово, но, к счастью, не очень долго. Жизнь есть жизнь, так что мятущаяся и влюбчивая душа “дипломата” постепенно стала находить новые отрядные интересы.

Судьба распорядилась так, что наши дороги с Игорем разошлись и дружеские встречи прекратились. Даже случайных встреч не случилось... Прошла молодость, потом — жизненные заботы, работа — так и пролетели цветущие годы, подобралась старость.

И вот однажды выпал случай оказаться там, где много лет назад прошла наша послеполитовская юность. Вместе со взрослой дочерью я шел на деловую встречу. Спешили. Неожиданно мое внимание привлек шедший навстречу пожилой человек. Медленно, с натугой переставляя ноги и опираясь на палку, он, однако, заинтересованно разглядывал проходящих мимо женщин. Ба, да это Игорь!

Мы встретились, признали друг друга.

— Вот, Ириша, познакомься, — обратился я к дочери. — Это Игорь Николаевич, бывший посол, бывшего Советского Союза...

— В бывшей Гватемале! — продолжил представление бывший “дипломат”.

— Но Гватемала-то почему бывшая? — спросила дочь.

— А, теперь всё бывшее... Жалко... — задумчиво сказал Игорь Николаевич. — А чего больше всего жалко — и не понять.

МЕСТЬ

РАССКАЗ

— Что же делать? Вроде все обыскали? — с отчаянием воскликнул Вася Внуков. — Вот здесь, в этом ящике, я оставил отчет! Куда же он мог пропасть?

— Давай еще раз спокойно подумаем, разберемся, — помогал в поисках секретных документов инженер Шатский Александр Александрович.

Рабочий день уже закончился. Как положено, сотрудники научно-исследовательского института, сдав надлежащим образом секретные документы, разошлись по домам. Но техник Вася Внуков неожиданно обнаружил, что секретный отчет по разработке новой радиолокационной станции, с которым он работал до обеда, бесследно исчез. Вася всегда оставлял его в незапертом выдвижном ящике испытательного стенда. В конце рабочего дня он открыл ящик — секретного отчета как не бывало...

Сначала Вася просто не поверил в случившееся. Отчет должен лежать в ящике, и только в нем. Но факт оказался фактом. К поискам подключился Шатский, которого Вася считал не просто товарищем, но и своим покровителем.

— Нет, сам он завалиться никуда не мог. Уже всё просмотрели, — Шатский по привычке потер указательным пальцем правой руки по шраму на

своей коротко стриженной голове. — Похоже, Васек, кто-то помог документам исчезнуть из ящика...

— Ты что? — вскинулся Вася. — Это же преступление! За такое убивать надо...

— Убивать будешь потом, а сейчас давай еще всю лабораторию прошерстим. Не торопясь, — Шатский пробежал взглядом по рабочему помещению, заставленному письменными столами и стендами с разнообразной электронной аппаратурой. — Спокойно, спокойно. Я пойду направо, а ты — налево. Осматривай всё самым тщательным образом.

Прошло уже полгода, как демобилизованный матрос Внуков возвратился в научно-исследовательский институт, в котором работал до призыва на воинскую службу. Но возвращение было не простым. Работница отдела кадров сперва отказалась оформить Васю на работу в институт, дескать, запись в трудовой книжке не соответствует его истинной квалификации. Формально он числился техником, но диплома об окончании техникума не имел, а на деле раньше работал радиомонтажником. Истинное положение вещей “канцелярская крыса” в расчет брать не хотела...

Тут-то Вася вспомнил, что до призыва на службу неоднократно слышал про заместителя директора по кадрам Александра Ивановича Квасова, бывшего морского офицера, всегда благоволившего к демобилизованному военным морякам. На следующий день, одевшись в форму, матрос Внуков предстал перед Александром Ивановичем. Прием оказался очень простым и сердечным, даже объяснять все подробности не пришлось. Вася был по-настоящему расстроган. Спустя две недели, необходимые для проверки документов в “почтовом ящике”, он продолжил трудовой путь, официально оформленный на должность техника.

Первое время ему было тяжело, не хватало знаний. Но Вася проявлял завидное упорство. А сослуживцы ему помогали, особенно инженер Шатский.

Происходил Александр Александрович Шатский из интеллигентной семьи. Фамилия писалась именно через буквы “тс”, а не через “ц”. Это он всегда и почему-то жестковато подчеркивал. Его мама Вера Ивановна, в девичестве Пышкина, являлась потомственной дворянкой, а отец, генерал-майор авиации, имел польские корни. Он умер вскоре после окончания Отечественной войны, как уверял его сын, по вине врачей. Это обстоятельство наложило отпечаток на взгляды Шатского-младшего...

С первых дней знакомства Шатский стал звать бывшего матроса по званию, но в английском произношении, то есть сэйлором. Будучи мастером спорта “коротковолновиком” и имея у себя дома радиостанцию, он общался практически со всем миром на английском языке и продолжал совершенствовать свои языковые познания. Шатский постоянно носил с собой словари и пособия по изучению английского языка. Среди них были издания, выпущенные за границей. Случалось, что и Вася заглядывал в эти иностранные книжки. Особенно ему понравился русско-английский словарь, выпущенный в Лондоне в 1946 году. В нем встречались жаргонные и даже блатные словечки, которых в наших словарях, конечно, не было. Однажды, листая этот словарь, он наткнулся на столбец, начинающийся строкой: “Баба — Russian woman”. Ниже шли сочетания со словом “баба”: снежная баба, бой-баба и другие. Заканчивался этот столбец строкой: “Баба Яга — Wild Russian woman*”. Такой вольный перевод вызвал у Васи бурный восторг: “Во дают империалисты!”

Хотя Шатский и Вася работали в одной лаборатории, но в разных группах. Васину группу возглавлял Виктор Пантелеевич Пахомов, молчаливый, но достаточно доброжелательный специалист. Группой Шатского руководил ведущий инженер Ахмед Арифалин, специалист высокой квалификации, но жесткий, даже надменный по отношению к подчиненным. Вася с удивлением не раз наблюдал, как Ахмед грубо обращался с молодой лаборант-

* Дикая русская женщина (англ.).

кой Любой. Однажды он даже хотел вмешаться, но справедливый порыв резко остановил Шатский:

— Не лезь, сэйлор! Не ищи приключений на свою задницу. — И после короткой паузы тихо пообещал: — Я сам постараюсь его прищучить...

Хамское поведение Ахмеда не распространялось только на единственного сотрудника группы — Шатского. Могло даже показаться, что он вообще работает в автономном режиме.

— Слушай, Саш, — интересовался Вася. — Почему Ахмед осторожничает с тобой?

— Ну и нашел ты слово: “осторожничает”. Впрочем, наверное, именно так. Первое время он и со мной обращался по-скотски. Я терпел, терпел, но однажды тряхнул его хорошенько, так что он костями загремел. После этого он затаился и стал что-то замышлять. Похоже, решил отомстить. Но я решил упредить события. Словом, пригрозил ему. Похоже, подействовало...

Ахмед был действительно очень худым: кожа и кости. А еще у него было какое-то патологическое влечение к женскому полу. Подчас это вызывало брезгливость. Шатский считал, что из-за этого его начальник такой вздорный.

— А ты, Саша, почему не женишься? — спрашивал Вася у товарища.

— Да вот никак не определюсь, сэйлор, — отвечал шутливо Шатский. — Жениться следует на блондинке или на брюнетке? Блондинки по внешности симпатичней, приятней, но уж больно они бесчувственные, что ли.

— А темненькие?

— Темненькие? А темненькие — и есть темненькие... Пожалуй, женюсь на крашеной блондинке. И внешность приятная, и темперамент соответствующий.

...Поиски пропавшего отчета продолжались уже второй час. Вася просматривал письменный стол и кульман Веры Живиной, комсорга, красавицы. Недавно на институтском вечере он танцевал с ней, и казалось, все на них обращали внимание. Особенно — Ахмед. Он явно ревновал его к Вере.

— Да какое ему дело, с кем я танцую? Он же женат! — говорил Вася Шатскому, который предупредил его:

— Эх ты, сэйлор, наивная душа! У Ахмеда только одна жена, а ему нужен целый гарем. Отмстят он тебе за танцы с Верочкой... К тому же Вера однажды врезала Ахмеду по морде. Прямо в лаборатории. При всех...

А поиски продолжались и продолжались.

Стены помещения были оклеены кусками специальной резины с впрессованными в нее металлическими сетками. Рядом с входной дверью, где стоял контейнер для мусора, Шатский заметил отошедший от стены кусок защитной резины. Он позвал Васю и оттянул кусок резины. Показалась обложка секретного отчета.

Вася враз покрылся холодным потом.

— Как он сюда попал?

— Ёжику понятно, сам он сюда не залез.

— Неужели? — воскликнул Вася. — Никогда бы не подумал, что на свете есть такие гады!

— Иди быстрее в первый отдел и сдай отчет, — поторопил Шатский. — Жду тебя у проходной.

Вася был морально убит, раздавлен... Он висел на волоске: лишение допуска к секретным работам, увольнение из института по особой статье, клеймо на всю жизнь...

— Какая же сволочь это сделала? Удавлю! — кипятился он.

— Сегодня, сэйлор, никаких действий не предпринимай! А завтра придумаем что-нибудь, — наставлял Шатский, понимая всю серьезность произошедшего.

Впереди Васю ждала бессонная ночь, он тысячи раз прокручивал все, что у него было связано с Ахмедом.

На другой день Шатский окольно, не рассказывая о случившемся, проводил опрос свидетелей, которые могли во время обеденного перерыва что-

то заподозрить... И вот сотрудница Людмила Викторовна рассказала, что обратила внимание на Ахмеда, он что-то вроде бы искал у мусорного контейнера. Людмила Викторовна даже хотела помочь ему. Но потом раздумала...

Теперь подозрения на Ахмеда в краже секретного отчета имели уже реальные основания.

Во время обеденного перерыва, еще раз все взвесив, Вася твердо сказал другу:

— Я отомщу этому негодяю! Так отомщу, чтоб навсегда запомнил... — Он сжал кулаки: никаких пустых угроз в словах не чувствовалось.

— А о последствиях ты подумал? — предупредил Шатский.

— Мне все равно. Хоть сделаю что-то хорошее в своей жизни. Дам урок этому подонку...

— Прочитать его, конечно, стоит... Но... Ты помни, у него жена, дети, старики родители...

К великой радости Шатского, который переживал за Васю и беспокоился: не натворил бы тот сгоряча делов, не придушил бы Ахмеда, все развязалось иначе, без участия негодующего “сэйлора”.

На другой день Ахмед не вышел на работу. Его нашли случайные прохожие недалеко от дома, избитого, со сломанной ногой, перебитыми ребрами и сотрясением мозга. Вызвали “Скорую помощь”, которая привезла Ахмеда в больницу, где его положили в реанимацию.

— Кто-то опередил тебя, сэйлор, — сказал Шатский Вася, в душе радуясь за друга: тому не пришлось пачкаться... — Видно, много врагов Ахмед себе нажил.

Вася молча вздыхал. Ему было как-то неуютно и горько. Порой даже жаль избитого негодяя.

— Вот ведь как бывает, — рассуждал Шатский. — Это похоже на месть свыше. Но кое-кто подумает, что это ты устроил ему баньку...

— И пусть думают...

— Это верно., — поддержал Шатский. — Если кто-то из наших сотрудников тебя спросит, отвечай ни “да”, ни “нет”...

— Почему?

— Сказать “да” бессмысленно. Но и “нет” говорить — тоже глупо. Во-первых, кто-то не поверит, а во-вторых, скажут: вот, мол, отпирается... Уж так устроены люди. Кстати, некоторые станут тебя побаиваться, а другие — даже уважать.

Только через несколько месяцев лечения Ахмед вышел на работу. Выглядел он дурно, еще сильнее похудел, и вел себя очень замкнуто. Ходил теперь Ахмед, опираясь на палку. Но физический недуг не отразился на его карьерном росте: вскоре он занял должность заведующего лабораторией, а затем и заместителя начальника отдела.

К тому времени Вася Внуков ушел из отдела. По рекомендации Шатского теперь он работал в новом подразделении института, обеспечивал настройку аппаратуры на полигонах. В командировках и платили больше, да и полигоны располагались в разных местах необъятной Родины, так что Васе довелось вдоволь поехать по стране, повидать разных людей, отведать нового...

Изредка встречая Ахмеда на территории института, Вася делал вид, что не знает его, скоро проходил мимо. Но в душе что-то ныло. словно какой-то долг, который был обязан отдать, оплатить, но не удалось...

Даже спустя много лет, став уважаемым специалистом и Василием Петровичем, он часто вспоминал этот эпизод из своей жизни и сожалел, что это не он переломал Ахмеду ноги.

Зато Шатский с тех пор поверил в какую-то высшую силу справедливости, которая праведно проучила негодяя и спасла от греха толкового парня.

МОЛОКОВОЗ

РАССКАЗ

— Сколько можно ждать? — я окончательно потерял терпение. — Хватит! Поднимаемся и пошли.

— Не ярись! Обождем еще немного, — спокойно, стараясь охладить мой пыл, произнес Сергей Иванович. — Если ничего худого по дороге не стряслось, вот-вот должен появиться...

Мы сидели в номере служебной гостиницы, расположенной у испытательного полигона министерства обороны. Трое из членов нашей бригады: Сергей Иванович Смирнов, техник Толя Митин и я с нетерпением ждали четвертого — радиомонтажника Витю Склянкина.

Полигон, к которому мы были прикомандированы, находился в трехстах километрах от нашего города, так что по выходным дням имелась возможность побывать дома, конечно, если позволяла рабочая обстановка. Обычно ездили мы до полигона и обратно на электричках. У ближайшей железнодорожной станции в дни приезда нас ждал служебный автобус, доставляющий прямо к гостинице. Такой путь мы трое проделали и сегодня, а вот Витя избрал другой маршрут. Он решил добираться до места работы на попутной машине. Такой вариант был, конечно, не нов. Иногда им пользовались и другие сотрудники разных "почтовых ящиков". Поездка на попутках экономила деньги, а иногда — время в пути. Шоссе проходило почти рядом с приаэродромным поселком, и дойти от него до гостиницы пешком пара минут.

По нашим прикидкам Витя давно должен был появиться в гостинице, но вот уже истекал целый час бесплодного ожидания. Мой бывший наставник, мудрый Сергей Иванович, похоже, что-то предчувствовал и старался нас успокоить, оттянуть время выхода на работу. Но всему есть предел, мы поднялись с мест, и... вот тут-то на пороге номера появился полупьяный Витя.

— Где успел нажраться? — негодовал Сергей Иванович. — Эх, Витя, Витя, я тебя за человека считал...

Размахивая руками, Витя пытался что-то объяснить, но слушать его было некогда, да и не хотелось.

— Всё, поехали! — обратился я к членам бригады. — А ты, гастролер, проспись! Вечером разберемся, что с тобой делать.

Мы отправились на рабочий объект в скверном настроении, оставив монтажника в гостинице — пусть приходит в нормальное состояние.

Планы на этот день срывались: работа не клеилась. Словно одно цеплялось за другое — все время возникали проблемы.

— Работнички хреновы! — бурчал Сергей Иванович, имея в виду, наверное, отдыхающего в гостинице Витю.

Надвигались сумерки — сегодняшние попытки отладить передающий тракт станции ни к чему не привели.

— Ладно! Хватит, Сергей Иванович, ворчать. Завтра нагоним, — мне хотелось ободрить нашего старшего товарища. — Сами меня учили: понедельник — день тяжелый.

Понурые, даже злые мы прибыли вечером в гостиницу. Но здесь нас ждал приятный сюрприз. В номере, который занимали Витя и Толя, был накрыт праздничный стол. В самом центре стола красовались две объемистые бутылки. Протрезвевший Витя изображал радость гостеприимного хозяина, встречающего долгожданных друзей:

— Господа офицеры, прошу к столу! Отведайте, что Бог послал!

— Офицеры, говоришь? Среди нас только один офицер, — Сергей Иванович кивнул в мою сторону. — А мы с Анатолием простые солдаты. Стало быть, стол не для нас?

— Что ты, что ты, Сергей Иваныч! По мне так ты есть самый главный генерал.

— А ты, Витя, самый главный пустобрёх! — “Генерал” продолжал ворчать. — Откуда все это? Что за бутылки? Где достал?

— Сначала выпьем по одной для душевного равновесия. А потом расскажу вам, друзья, про утренний роман с молоковозом...

— Это можно, — согласился Сергей Иванович и, пригладив реденькие сивые волосенки, первым подсел к столу.

Мы с Толей молча последовали его примеру. Хозяин застолья, продолжая суетиться, налил каждому из нас по полстакана содержимого одной из бутылок. В комнате разлился ароматный запах.

— Ну, давайте выпьем за мир и дружбу во всем мире, включая нашу бригаду, — торопил Витя, тут же залпом выпил свою порцию.

И я, и Толя тоже долго не мешкали. А вот Сергей Иванович пил небольшими глотками, явно смакуя.

— Приятный, но какой-то странный вкус. Вроде вино не сухое, но и не крепленое? — Я вопросительно смотрел на Витю.

— Сам не знаю. Спросил Жеку — водителя молоковоза, но он толком объяснить не смог. Сказал только, что в прошлый раз возил вроде бы херес. Может, и сейчас...

— Сам ты херес! — ворчливо произнес Сергей Иванович. — Это мадера. Самая настоящая крымская мадера, причем с выдержкой не меньше четырех лет.

— Во дегустатор! — выразил общее удивление и восхищение Витя. — Все-то ты, Сергей Иваныч, знаешь.

— Все знать нельзя, но интересоваться надо, — Сергей Иванович снова смаковал вино.

— Ну, а теперь, Витек, докладывай про утренние приключения, — не без строгости потребовал я.

— Есть, товарищ капитан! — слегка подпрыгнув на стуле, ответил он в своей обычной шутовской манере, а затем повел рассказ: — Этим утром решил я особо не тратиться и добраться до полигона на попутке. Вышел на шоссе у выезда из города и стал высматривать машины с подходящими номерами. И вот взялся молоковоз. На белой цистерне крупно написано “молоко”. Наверняка видели...

— Да знаем мы! Что дальше-то было? — подгоняли мы Витю.

— Так вот, едем мы, разговорились, познакомились. Шофера звали Евгением, но он сказал мне, что можно звать просто Жекой. Я говорю ему, что тогда и ты зови меня Витьком. Хороший парень Жека... Едем, значит, болтаем. Когда порядочно отъехали от города, Жека свернул с шоссе в лесок на грунтовую дорогу. Ну, думаю, значит, так надо. Может, с желудком что случилось? Как бы не так! Нажал Жека на какую-то педаль, и цистерна поднялась почти вертикально. Я сперва ничего не понял... Взял Жека из кабины две канистрочки и несколько пустых бутылок. Повозился он какое-то время у крана цистерны, и потекла оттуда, как утверждает наш дорогой Сергей Иваныч, мадера... Заполнил Жека все емкости этим вином и предложил мне отведать. Честно скажу, выпил я три кружки... — Витя широко и виновато улыбнулся. — Но, как учит нас Сергей Иваныч, повинную голову меч не сечет. Да, и вообще пил-то я из цистерны “Молоко”, а что молоко это оказалось от бешеной коровки, я не виноват...

Среди слушателей прошел удивленный шепоток, а Толя спросил рассказчика:

— А сам-то он пил?

— Кто? Жека? Конечно, нет! Что он, дурак? Он же за рулем, — возмущенно ответил Витя и продолжал рассказ: — Поехали дальше. Меня переполняют отрадные чувства... А Жеку я спрашиваю: откуда взялось вино в его молоковозе? Он говорит: в таких цистернах возят не только молоко, но и другие жидкие продукты. На этот раз — вино. Он отвез в город и слил заказчику на базе. Но по законам физики часть жидкости должна была остаться на внутренних стенках цистерны. Вот оттуда и взялось оно у нас на столе. Физика — самая важная наука...

С последним утверждением мы были, конечно, согласны. Но кроме физики не менее важной была и удача.

— ...Обнялись мы с Жекой на прощание, и подарил он мне эти две бутылки вина. “Угости, — говорит, — своих ребят. Чтобы все было справедливо”. Он тоже понимал, что вы меня ждете с нетерпением.

На какое-то время в застолье воцарилась тишина. А потом Сергей Иванович предложил:

— Давайте выпьем, мужики, за настоящего человека, за чудесного парня Жеку. Здоровья ему и удачи!

Вскоре мы разошлись отдыхать: впереди был напряженный рабочий день, всем нужно быть в форме. Особенно Вите. Работником он был прекрасным, и поэтому на следующий день хотел отличиться.

Скоро вся командировочная братия полигона и постоянные служители объекта, и военные, и вольнонаемные, знали о волшебном молоковозе, который подвез Витю, и о добром шофере Жеке. С тех пор все командировочные, которые добирались из города до объекта на попутках, неизменно вылавливали молоковозы, усиленно голосуя перед ними. Многим удавалось набиться в попутчики, но достичь желаемого результата так ни у кого и не получилось. Попутные молоковозы перевозили в цистернах только молоко.

Удача — дама капризная и законам физики не поддается.